

НАТАЛЬЯ КОЛЕСОВА

ЛУННЫЕ ДНИ

16+

Наталья Колесова

Лунные дни

<https://litres.ru/67730291>

SelfPub; 2022

Аннотация

Однажды Мила спасает парня, собравшегося шагнуть с балкона шестнадцатого этажа. Однажды Глеб находит ту, кто удержит его в его неудавшейся жизни. И уже вместе им придется столкнуться с тем, что появляется в ночь полнолуния...

Наталья Колесова

Лунные дни

Глеб наклонился, разглядывая лежавший как на ладони город. Город жил, светился, мерцал и подмигивал. Манил. Шептал: ну давай, иди сюда, ночь примет тебя в теплые, обтянутые бархатными черными перчатками, ладони. А потом тебя приму я. Приму, разобью на множество осколков, их потом не соберет и твоя всесильная Луна. Потому что я сильнее – Луны, человека, волшебства...

Глеб трезво подсчитывал варианты. Он упадет прямо на безлюдный тротуар. Мимо закрытых на ночь офисов народ старается не ходить – держится шумных сияющих магазинов и кафе. Наверное, его и найдут-то только утром. Вернее, то, что от него осталось. Жалеть его некому. Для клиентов он просто пропадет, исчезнет. Кристина его возненавидела. Мать... наверное, уже о нем забыла... Хорошо.

А у Луны появятся другие слуги.

Он взобрался на широкий парапет балкона – город и небо встали перед глазами вертикально, и не поймешь уже – то ли он упадет вниз, то ли взлетит к звездам. Последний раз втянул влажный ночной воздух и закрыл глаза. Всего шаг...

– Молодой человек, может, вы уже прыгнете? А то тут очередь.

На день раньше.

– Глеб!

Он вскинул голову, махнул рукой и спрыгнул с парапета. Пошел, слегка прихрамывая, навстречу Кристине. Та радостно бросилась в знакомые крепкие объятия. Когда обычного поцелуя не последовало, озабоченно откинула голову, вглядываясь в его лицо.

– Ты... как? Что сказал врач?

– Все нормально. Все на мне заживает, как на собаке, – отозвался Глеб и криво усмехнулся собственным словам. Знала бы она, насколько это сравнение верное!

– А выглядишь ты... – она хотела сказать – больным – но передумала. Отряхнула его запыленный рукав, окинула одежду хозяйским взглядом. Серые, мешковатые, рваные на коленях джинсы (такие впору подростку, а не взрослому самостоятельному парню), серая невзрачная футболка. Кроссовки, правда, хорошие, дорогие – но для тех, кто в этом толк понимает. Русые волосы как всегда взлохмачены.

– Глеб! – сказала Кристина укоризненно. – Я же просила тебя подстричься!

Тот, поморщившись, придержал ее руку, пытавшуюся справиться с его волосами.

– Они растут быстрее, чем я успеваю стричься, на одной парикмахерской разоришься...

Кристина дала волю своему раздражению: пропадал где-то месяц (вроде как в больнице), ни ответа ни привета, по-

звонил пару дней назад, она планировала позвать его сегодня в гости – познакомить с родителями наконец. Но не в таком же виде его вести! Как докажешь, что он успешный компьютерщик, правда, предпочитающий работать фрилансером? Это, конечно, изменится – наличие семьи предполагает постоянный заработок. Да и пропадание в командировку на целую неделю в месяц Кристиной не приветствовалось.

– Глеб, ну мы же договаривались – приходишь ко мне на свидание в приличном виде!

Он медленно оглядел себя. Вообще, он сегодня какой-то заторможенный. Темные круги вокруг глаз, осунувшийся, бледный... Может, рано вышел из больницы? Да и вообще...

– Да и вообще – почему ты мне не позвонил, когда попал в больницу? Я бы тебе передачи носила.

– Передачи... – он посмаковал это слово с какой-то издевкой даже. – Передачи. Да, они мне там были просто необходимы...

А если он... наркоман и лежал в клинике? На этой, как ее... реабилитации?

– А ты с чем... Глеб, что с тобой случилось?

– Я... подрался.

– Подрался? С кем?

– Их... было много.

Слишком много. Но он не считал. Он тогда не умел считать. Но зато умел рвать, грызть, ломать... и даже то, что в некоторых противниках вообще не было крови, его не озада-

чивало и останавливало. Он дал себе волю впервые за многие-многие годы. И это было так...

– Больно!

Он слишком сильно сжал ее запястье. Кристия вырвала руку, на глазах ее показались слезы.

– Ты что, дурак?! Ненормальный?

Глеб кивнул, отступил и снова присел на парапет.

– Да, Кристь, уж извини – такой я есть. И дурак. И уж ненормальный – точно.

Наркоман? Или... что? Может, он правда псих, и регулярно лечится в клинике? Или сейчас скажет, что "голубой"? У нее полились слезы – самые натуральные, – хотя Кристина могла и сама вызывать их в нужный момент.

– Глебушка, ну ты что... что происходит, скажи! Ты... меня бросаешь?

Вот сейчас сгребет в охапку, прижмет, скажет: "Ты что, сдурела, Кристь, ну ладно, хватит дуться!"

Глеб помолчал. Сказал с тяжелой расстановкой – раньше она не замечала у него такой интонации:

– Я тебя не бросаю. Просто... не могу. Надо, чтобы ты меня бросила.

Псих. Или в драке... может, он кого-то убил в драке? И ему сейчас грозит тюрьма? Или он оттуда сбежал? Или... что?!

Кристина аккуратно вытерла нос. Попыталась улыбнуться.

– У тебя проблемы? Ну расскажи же мне, Глеб! Мы с тобой что-нибудь придумаем.

Только не тюрьма. И не псих. И не...

– Я за тебя боюсь. Понимаешь, бывают дни, когда я... себя не контролирую.

Точно – псих. Или наркоман?

– Почему? Может, надо какое-нибудь лекарство?..

– От моей болезни нет лекарств, – Глеб поднял глаза, отразившие голубое небо. – Их еще не придумали. Понимаешь, Кристь, я...

– Да?

...Глеб проводил взглядом всхлипывающую девушку. Иди-иди, целее будешь.

...Она кричала: "Ну хочешь бросить меня – так и говори! Столько времени на тебя потеряла, все девчонки уже замужем давно, а я вот... слушаю сказки придурка! Даже расстаться не можешь по-человечески!"

Он молча согласился. Не могу по-человечески. Как я могу, если я не... человек.

Хотелось выть, но когда Глеб вскинул голову, на него смотрело солнце. Не Луна.

Но он все же повыл. Негромко. Чтобы не пугать гулявших по набережной людей.

– Молодой человек, может, вы уже прыгнете? А то тут очередь.

И Глеб чуть не свалился.

Качнулся, замахал руками (город и ночь слились перед глазами в одно мельтешащее светящееся колесо), ухватился за стенку, отделявшую балкон от других окон. Медленно присел, опершись ладонями о парапет, с закрытыми глазами переждал резкое головокружение. Так же осторожно спустил на пол ноги. И только потом оглянулся.

Женщина, вышедшая на балкон с бокалом вина в руке, смотрела на него с благожелательным любопытством.

– Передумали? – пожала плечами. – Ну, дело ваше.

Вечер обещал быть скучным. Мила давно уже не ценила многолюдные сборища и эти "здравствуйте-как-поживаете-век-бы-вас-не-видеть" светские беседы. Она сделала пятый круг по залу, прихватила третий бокал шампанского и решила укрыться на балконе. Поднеся к губам бокал, подняла глаза и поняла, что каким-каким, а скучным вечер уже точно не будет...

На парапете балкона спиной к ней стоял парень.

Миле приходилось иметь дело с самоубийцами. С самоубийцами-неудачниками, потому что заботу о более... хм, удачливых брал на себя городской морг. Но вот с самим процессом она столкнулась впервые и теперь застыла, не зная, что предпринять: позвать на помощь, крикнуть "парень, одумайся", ухватить за ноги?

Или просто дать пинка под зад, чтобы одним несчастным

на Земле стало меньше?

А язык – как часто бывает у нее в стрессовых ситуациях – сработал сам по себе:

– Молодой человек, прыгайте уже! А то тут очередь.

Длинное мгновение ей казалось, что она все-таки ускорила его падение. Но парень выровнялся – как заправский гимнаст, – отдышался и обернулся. О, если бы взглядом можно было убивать...

Мила безмятежно улыбнулась ему в лицо:

– Передумали? Ну как хотите.

Стресс только сейчас ударил ей в голову, затряслись пальцы. Пришлось сделать большой глоток шампанского.

Парень прислонился задом к парапету и так хмуро уставился на ее ноги, что Мила всерьез засомневалась в их привлекательности. Она не думала, что после ее ухода он немедленно повторит попытку, но следовало все-таки провести какую-нибудь душевную беседу.

Мила подошла и поглядела вниз. Сказала с одобрением:

– Высота подходящая, отличный выбор!

Глеб ощутил абсурдное желание рассмеяться, но спросил грубо:

– Чего вам надо?

Женщина пощелкала пальцами по бокалу – хрусталь запел. Произнесла с легкой укоризной:

– Себя не жалко, пожалели бы...

Он приготовился к тому, что она скажет: "родителей" и

заранее ошетинился, но женщина закончила неожиданно:

– ...дворников.

– Кого?

– Дворников. Думаете, приятно соскребать с асфальта ваши ошметки? Вы не обдумывали более привлекательные способы самоубийства?

– Повеситься, что ли?

Она наморщила нос.

– Ф-фу... и распухший язык на плечо! Кстати, очень рекомендую заранее сделать клизму: сфинктеры расслабляются и...

– Да пошли вы!...

Глеб метнулся к двери – вернее, хотел метнуться – получилось лишь шагнуть на дрожащих ногах. Оглянулся. Ему показалось, что женщина затаенно улыбается. И потому он буркнул (как и сам понял) с дурацким детским упрямством:

– Думаете что? Думаете, я теперь передумаю?!

– Да что вы, что вы! И в мыслях не держала. Но все-таки, может, обсудим еще способы, которые вы не опробовали? Вот, например, покажите-ка руки!

– Что?

– Вы решили сигануть с шестнадцатого этажа из-за того, что страдаете глухотой? Что вы меня переспрашиваете все время? – неожиданно сварливо спросила женщина. – Руки, говорю, покажите!

– Зачем?

Глеб нехотя, но все же развел в сторону руки. Женщина поставила бокал на парапет и шагнула поближе.

Сильные, загорелые, шрамов от порезов на запястьях и сгибах локтей нет – значит, по крайней мере, не истероид... следов от иглы, "дорожек" тоже не видно... хотя это ничего не значит, наркоманы – они такие, хоть за уши сумеют поставить...

– Ну вот, – констатировала с сожалением, – вижу, вы не опробовали еще одну классику жанра!

– Какую?

– Не вскрывали вены. Кстати, а вы знаете, почему это делается в ванной, заполненной горячей водой?

Она вышла с балкона и пошла вдоль стены мимо медленно варившейся тусовки. Против воли увлеченный абсурдной и какой-то... больной темой разговора, Глеб плелся следом. Войдя в лифт, сказал угрюмо:

– Чтобы тело распарить? Ну, чтоб не больно было резать?

– Учите матчасть, дилетант! – презрительно заметила женщина. – Чтобы кровь не сворачивалась – то есть не остановилась прежде, чем клиент отдаст концы!

Они вышли в душную и влажную ночь. Грозил грозой. Женщина посмотрела в обе стороны пустынной улицы.

– Вам куда?

– Да мне... – сказал Глеб, запихивая кулаки в просторные карманы джинсов и пожимая плечами. Он как-то потерялся – словно все-таки спрыгнул и даже слегка разбился, и пока

не мог собрать осколки себя прежнего.

– Ну раз вам все равно, проводите меня! – поняла и велела ему женщина. Не попросила, а именно велела. – Мы ведь не обсудили все неиспользованные вами способы!

Глеб фыркнул:

– А вы что, их все на себе опробовали? Или вы состоите в каком-нибудь... клубе самоубийц?

Женщина широко зевнула и прикрыла рот ладонью.

– Не-а. Я просто хирург и навидалась вашего брата. Да и вашей сестры – тоже.

Она почувствовала, как он вдруг ошетинился – чуть не отшатнулся – и, покосившись, добавила:

– Если вы боитесь уколов или клизмы – даже не надейтесь, не поставлю. Да и вообще, я уже ушла из медицины.

Через пару десятков шагов парень спросил:

– А вы маг?

– Не-а. А вы?

Первый, второй, третий шаг...

– Нет.

Интересно, откуда вдруг такая пауза? Сам в первый раз в жизни задумался, не маг ли он на самом деле?

– А кем вы работаете? – рассеянно спросила Мила. До дому было уже рукой подать, и она вдруг внезапно и резко устала. Сегодняшний план по спасению одной души и одного тела она уже выполнила, достаточно.

– Ремонтирую компьютеры.

Женщина остановилась, глаза ее хищно сверкнули.

– А мой можете посмотреть?

– А что с ним? Я больше по железу...

– А мне и надо по железу! Пойдемте, вы же никуда пока не торопитесь? Ну, на тот свет?

– Что, прямо сейчас? Первый час ночи!

Женщина нетерпеливо отмахнулась.

– Если опасаетесь, что я вас "снимаю", даже и не мечтайте! Мне сейчас еще работать, а там... ну идемте уже, идемте!

Она даже ухватила его за рукав, настойчиво увлекая за собой. Это прикосновение – первое за бесконечный день – вдруг включило все остальные органы его чувств. Не то чтобы включило – шарахнуло на все двести двадцать! Глеб почувствовал, какие тонкие и одновременно сильные у нее пальцы, ощутил под ароматами духов и дезодоранта ее собственный запах, разглядел в полумраке двора ее лицо – до самой последней веснушки на скулах...

– Если вы, – сказал он, непроизвольно напрягая руку, – меня отпустите, я погляжу ваш комп.

Она тут же разжала пальцы, продемонстрировала раскрытые ладони.

– Вот! Видите, не пристаю и не держу! Идете?

– Иду.

– Это вы вирус хапнули, – сказал Глеб, – вот он и глючит. Остальное вроде в норме. Счас полечим...

Скрестив по-турецки ноги, он сидел в кресле перед компьютером и допивал уже третью чашку сладкого чая, которую хозяйка ему вместе с бутербродами подсовывала. Принял бы и яд, не заметил – весь в работе. Мила понимала, расспросами и беседами не донимала. Сидела потихоньку на диване, шелестела блокнотами: успеть записать мысль, пока не ускользнула. Да и не только мысль – блик луны на воде, далекое пение... настроение ускользало быстрее, чем сама идея. А без настроения текст становился просто набором слов и штампов.

– Что вы там пишете?

– Ой! – Мила аж подпрыгнула: так бесшумно он оказался рядом.

Парень тут же отступил на шаг. Кривовато улыбнулся.

– С компом все в порядке, можете работать.

– Да? Сколько я вам должна?

– Нисколько.

– Да? – рассеянно повторила она, хищно нависая над клавиатурой. – Ну спасибо!

Глеб помялся. Хозяйка, похоже, уже о нем забыла. Молодила по клавишам, изредка заглядывая в распахнутый блокнот. Длинная светлая челка то и дело падала ей на глаза, и женщина ее рассеянно поправляла.

– Ну, я пошел?

– Угу, – отозвалась она, не отрываясь от монитора. – До свиданья. Дверью как следует хлопните.

Глеб добрел до двери. Постоял, разглядывая ее гладкую металлическую поверхность и представляя, что за ней ожидает. Ночь. Пустота. Сегодня утром он уже все для себя решил, но теперь утро казалось далеким-далеким, а впереди лежала жизнь, с которой Глеб не знал, что и делать.

Глеб опустился на диванчик, стоявший в коридоре, вытянул ноги и устался в потолок.

...Она наткнулась на него через час, когда брела на кухню за допингом трудоголиков и студентов во время сессии – за кофе. Парень спал на кушетке, свернувшись, словно бродячая собака на холоде. Мила постояла над ним, задумчиво выпятив губы; решила не будить-не трогать. Лишь выключила свет и пледом укрыла.

Он не проснулся и когда началась гроза – Мила специально выглянула в коридор. Хотя она и сама прозевала начало: очнулась, лишь когда дом затрясся от особенно раскатистого близкого грома. Распахнув балконную дверь, полюбовалась ревущей ночью – брызги летели на лицо и открытую шею, словно дождь лил не только сверху, а еще и поперек. Мила вспомнила о своем нечаянном ночном постояльце: не сидит ли тот, обалдевший, в темноте, не понимая, что происходит и где он вообще находится?

Несостоявшийся самоубийца спал сном праведника – или младенца – она не знала, который крепче, ибо не была ни тем, ни другим. Все-таки в грозе есть нечто жутко-мистическое, потому что при вспышке молний Милиному богатому

воображению чудилось то страшное, вытянутое, оскаленное лицо из фильмов ужасов, сменявшееся лицом мирно спящего молодого человека, то жуткая лапа с длинными когтями, превращавшаяся в расслабленно свесившуюся руку. А шевелящаяся черная шкура оказывалась сбившимся на пол пледом...

В нос лез раздражающий запах сигаретного дыма. Душил. Глеб сел, перхая, как старик. Огляделся, приучая себя к реальности – то есть к пробуждению в чужой квартире.

– С добрым утром! – донеслось из кухни.

Когда Глеб добрел до кухни, хозяйка полуобернулась от раскрытого окна.

– Кофе на плите. Мясо, сыр, хлеб – вон нарезано. Ешьте.

– Спасибо...

Он снова закашлялся – не нарочно, но женщина с иронией подняла брови.

– Мы не курим?

– Как можно дышать этой... гадостью! Вы же врач! Хоть и бывший.

Она пожала плечами.

– Ну, у каждого свой способ самоубийства... – все же задушила сигарету. Села напротив, без стеснения разглядывая его в упор. Подвела итог: – Сегодня выглядите лучше!

Про нее Глеб так бы не сказал. Вчера она показалась ему моложе: утренний свет подчеркнул морщинки на бледной

коже и мешки под глазами, свободными от косметики. Женщина безошибочно истолковала его взгляд. Пожаловалась:

– Я обычно к полудню только просыпаюсь, встала исключительно из-за вас!

– Извините, – буркнул Глеб в чашку с кофе. – Уснул как-то. Не заметил.

Хорошо, что она не спросила, почему он не ушел домой. Глеб не смог бы объяснить. Маленький мальчик в здоровом двадцатилетнем парне очень боится темноты... прежде всего в самом себе.

Женщина, позевывая, лениво намазывала хлеб маслом, резала на маленькие кубики и кидала в рот.

– А вы кем теперь работаете, раз из медицины ушли? – спросил он, когда молчание сгустилось над столом, точно хмурое сонное облако.

– Не работаю я, – сообщила хозяйка. – Книжки пишу. Кто же это за работу считает?

– А, – сказал он вежливо. – Любовные романы?

– Угу, порнуху. Как звездолет трахается со сверхновой.

– Фантастику, что ли? А как ваша фамилия?

– Эл Тимошина. Читали что-нибудь?

– Вроде нет, – неуверенно сказал Глеб. Книжек он давно в руки не брал. – А Эл – это?..

– Людмила. Мила. Люся, – отчеканила хозяйка. – Кто уж как извратится.

– А я Глеб. А про... магов вы тоже пишете?

– Производственные романы, что ли? Где же ты тут фантастику видишь? Не-а. Неинтересно. А ты имеешь что рассказать?

Рассказать? Как он обратился за помощью к волшебникам, и те радостно и жадно вцепились в занятную новую игрушку, магический феномен, с какого-то перепугу свалившийся прямо к ним в руки? Помнится, он тогда еще собирался жениться на Кристине. А ведь жена – не то что девушка, с которой встречаешься, – ее не устроит ежемесячное недельное отсутствие благоверного под семейной кровлей без каких-либо веских оснований. В принципе, он мог бы ей врать, и достаточно убедительно (напрактиковался за половину жизни) – но долго продержался бы?

А ведь если подумать, ему в ИМФ, Институте магических феноменов, ничего не обещали. Обследуем. Сумеет понять – конечно, поможем! Ты не против, если к тебе будут применять умеренные меры воздействия? И сами же наворотили таких дел (наверное, меры воздействия кому-то из подопытных показались не слишком умеренными), что он сумел выбраться из запертой лаборатории и потом...

Глеба передернуло.

– Нет, – сказал он и залпом допил остывший кофе. – Нечего мне рассказывать.

Людмила смотрела на него вприщур из-под светлой челки. Не поверила, конечно, но привязываться не стала. Хорошая тетка. Понимающая.

– Ну, Глеб, и чем же вы намерены заняться сегодня?

Выпроваживает. Давно пора.

– Спасибо. Пошел я.

Хозяйка последовала за ним в коридор, встала, зацепив пальцы за хлястики мешковатых джинсов. Наблюдала, как он натягивает кроссовки.

– Какой способ самоубийства, говорю, выберете сегодня?

– Отвалите, а?

Людмила засмеялась.

– Ну пока! Спасибо за компьютер.

– До свиданья.

Глеб почти прочел ее мысли: "Нет уж, лучше прощайте!"

И то верно.

Она все же не удержалась, глянула из окна вслед. Глеб брел через двор медленно, слегка прихрамывая, засунув руки в карманы. То ли его никто нигде не ждал, то ли он просто не знал, куда идти. Парень обернулся, окидывая взглядом окна: похоже, почувствовал ее взгляд. Чувствительный какой: взгляды в спину чувствует, сигаретный дым его раздражает, а прикосновения выводят из себя... Невротик несчастный.

Мила, как обычно, запоздало обругала себя: да и она не лучше – привела в дом незнакомого, явно сдвинутого парня, он ведь вполне мог порешить ее для компании, а потом закончить начатое... Ладно, все окончилось благополучно, все живы, комп здоров, и она сейчас может с чистой совестью

залечь на часок-другой.

– Мне кажется, или я вас все-таки преследую?!

Глеб обернулся на этот веселый возглас. Перед ним стояла Людмила-писательница.

Стыдно сказать, но он забыл ее фамилию сразу. Тимофеева? Тимошенко? Вот встретил по пути книжный и зашел. Может, увидит знакомую фамилию, вспомнит... Полистает. Не верил Глеб, что женщина пишет про звездолеты и всякие там звездные войны. Наверняка в книжке розовые сопли про красавцев-капитанов и роковых красоток. С кучей ужасающих технических ляпов.

Людмила смотрела на него насмешливо. Глаза голубые, кругло-веселые. Челка стоит дыбом, как у Незнайки из старого мультика.

– Решили проверить, точно ли я писатель?

Глеб отдернул руку от стенда с фантастическими книгами, словно его уличили в чем-то неприличном. Неопределенно повел плечом.

– Ну...

Людмила кивнула. Челка и хохолок на ее голове кивнули еще пару раз.

– Не поверили, не поверили, неверующий вы Фома!

Протиснулась мимо Глеба к книгам (его ноздри шевельнулись, ощутив ее знакомый запах), вытянула одну и победно потрясла у него перед лицом.

– Вот, видите!

Тимошина. Ну да. Теперь он вспомнил. На обложке – некто в военной форме, видимо, главный герой... во всех отношениях герой, вон и медали и плечи и профиль... и красота тут же присутствует, а как же! И конечно, звезды и звездные корабли на заднем плане.

– Да я вовсе не вашу книжку искал! – попытался он оправдаться. Неловко, потому что авторша снова кивнула и, не глядя, кинула книгу обратно на полку.

– Да и на фиг вам всякую хрень читать!

Глеб торопливо всунул книжку между других томов, на всякий случай запоминая ее расположение (потом посмотрит), и выскочил из магазина вслед за Тимошиной.

Та стояла у дверей. Курила. Глебу не нравилось, когда женщины курят. Впрочем, как и мужчины. Не потому что он так уж за здоровый образ жизни, а потому что табачного дыма не переносит. Нюх теряется, уточнил зверь.

Глеб встал поодаль. Подумал и спросил:

– Как там ваш комп?

– Жив-здоров, шлет вам нежные приветы, – Мила покосилась. Глеб смотрел на нее исподлобья. Глаза зеленоватого бутылочного цвета. Защитного. Гы. – А вы как, нашли какой-нибудь свеженький способ самоубийства? Нестандартненький?

Скривился – то ли она его достала, то ли дым... Мила сделала последнюю затяжку и помахала ладонью у парня перед

носом, символически разгоняя сигаретный дымок.

– Не искал.

– Тоже правильно, куда торопиться? Все там будем.

Ну да. Время у него еще вагон и маленькая тележка – аж до следующего полнолуния.

– А хотите кофе? – неожиданно спросила писательница. Так неожиданно, что он даже малость протупил. Людмила рассмеялась: – "Молодой человек, танцевать – не целовать!" Я еще не завтракала, живот подвело.

Не завтракала? Уже третий час дня.

– Опять допоздна работали? – спросил Глеб, шагая рядом с ней к кофейне через дорогу.

– Ага. Меня припирает как раз к ночи. Понимаю, что надо дисциплинировать ум и дрессировать вдохновение, но целыми днями болтаюсь туда-сюда, балду пинаю... Давайте сядем здесь, у окна.

Глеб сел. Огляделся. Коричневатые тона, мягкие подушки на диванах. Окно завешано дымчатой занавеской. Крестя любила шумные клубы: гремющая музыка, вспышки света, куча бестолково движущихся тел... Почему любила? И продолжает любить.

Людмила заказала, почти не глядя в меню: бывает здесь регулярно. Глеб выбрал кофе наугад. Он и знает-то только что бывает растворимый, а бывает тот, что варят. Остановил Тимошину, склонившую молочник над чашкой.

– Не лейте. Сливки прокисли.

– Да? – Людмила принялась к посудине и с сомнением взглянула на официантку. Девушка закатила глаза, но пререкаться не стала – видно, была о том в курсе. Безмолвно и быстро заменила молочник.

– Ого! – сказала женщина с восхищением. – Ну у тебя и нюх! Запросто можешь работать контролером-дегустатором продуктов. Или вообще в парфюмерной промышленности.

Глеб молча пил кофе. К полной Луне обоняние настолько обострялось, что он мог бы трудиться даже собакой-ищейкой. Если б кто сумел на него набросить поводок, понятно.

– А... можно спросить? – спросил он, ставя пустую чашку.

– Вопрос за вопрос! – мгновенно отреагировала женщина.

– Вы только космическую фантастику пишете?

– Пыталась и детективы, но закрутить сюжет пока не удается.

– А вот про... мифических существ? Типа там леших... домовых... оборотней? – Глеб надеялся, что интонация у него не изменилась – ну типа сидим, болтаем ни о чем...

– Сказочную фантастику? Подумывала как-то.

– И что?

– Надо все-таки определиться, какое существо сказочное, а какое просто очень редкое. Для большинства людей вампиры – миф. А вот был у меня знакомый вампир... – женщина так улыбнулась, что стало понятно – насколько знакомый вампир. Глеб нехотая подумал, что улыбка у нее красивая. – Как его веселит вся наша литературно-киношная мистика,

ты бы только знал! Опять же домовой – я знаю, что он существует, он даже таскает меня за чуб ночью, когда дома грязно, а мне лень убираться – но ведь я его никогда не видела. Это точь-в-точь как с богом... Ух, верующие меня бы сейчас за такое сравнение просто запинали!

– А обратной вы тоже встречали?

– Не довелось, – с непонятным ему сожалением сообщила женщина (радоваться надо!). – И даже не знаю людей, которые бы с ними общались. Но тема интересная.

Глеб пожалел, что постеснялся и не заказал спиртного. Хотя хотелось. По этой "интересной" теме у него куча книг, фильмов и закладок в "Избранном". Он по молодости собирал инфу про обратной, все надеялся, отыщет в этой белиберде хоть что-то, что поможет ему... излечиться. Теперь бросил. Перепевы одного и того же. Может, укусить ее, мрачно подумал он, чтобы она вплотную изучила тему? Так сказать, на личном опыте?

Или это уже не он, а его зверь веселился?

Людмила заглянула в счет и выложила несколько купюр.

– Сколько с меня? – спросил Глеб, вытаскивая кошелек.

Женщина беспечно отмахнулась.

– Да ладно, одно кофе! Ты же наверняка студент, я тебя сама пригласила, сама и угощаю!

Она его что, совсем за пацана держит?

– Какой студент, мне уже двадцать шесть! И деньги у меня есть.

То есть, на добрый десяток лет ее моложе. А деньги у него действительно есть – в раскрытом кошельке кроме крупных бумажных еще и пара карт. Значит, проблема не в деньгах...

– Ну раз не студент, может, перейдем на "ты"?

– Легко.

– А теперь – вопрос за вопрос! – напомнила Мила уже на улице.

– Ну?

– С чего ты решил сигануть с балкона? Из-за девушки?

Конечно, женщины уверены, что если и стоит кончать жизнь самоубийством, то только из-за несчастной любви. Нет, она его точно за придурочного подростка принимает!

– А из-за чего обычно сигают? Вы же нас... таких много повидали?

– Дурь. Алкоголь. Ссора с родителями. Несчастливая любовь. Травля одноклассниками или учителями. Плохая оценка, да-да, и такое бывает, не смотри так на меня...

Мила рассказала ему про шестнадцатилетнюю девчонку, отравившуюся из-за несчастной любви. Едва откачали, девушка тут же прыгнула с моста. Пока собирали по костям, травматологи рекомендовали неудачливой самоубийце выбрать в следующий раз здание повыше – в столице таких много. Чтоб уже врачам не создавать лишнюю работу...

– И что она? Прыгнула?

Мила пожала плечами:

– В реанимации мы с ней больше не встречались. Или дев-

чонка все-таки передумала или в следующий раз попала напрямиком в морг. А ты так и не ответил!

Глеб молчал. Мила поглядела на него сбоку. Между прочим, симпатичный парень, лобастый, глазастый, не очень высокий, крепкий. Жалко, если пропадет сдуру.

– Я... – начал симпатичный. – У меня... Ничего, если я ничего не скажу? – наконец выпалил Глеб.

Мила кивнула.

– Ничего. А я пришла.

И Глеб обнаружил, что они уже у знакомого подъезда. Он вдруг понял, что второй день кружит в этом районе, словно бездомная собака, которую раз подкормили и которая надеется на новую подачку. Сравнение с собакой зверю не понравилось. Тем более что дом у них есть.

– Заходи в гости как-нибудь.

– А сейчас можно? – выпалил он – сам для себя неожиданно. И даже на шаг отступил. И вправду дурак! Теперь она начнет отнекиваться и придумывать вежливые отговорки...

– Да пожалуйста, – просто сказала Людмила. – Но учти, у меня всего второй этаж, тебе не подойдет.

– Для чего не подойдет?

– Для сигания!

– Оба-на! – удивилась Мила.

Третий час ночи. Руки гудят и припухли подушечки пальцев. Перед глазами мерцают буквы. А на диване с подушкой

в обнимку сидит Глеб и смотрит в наушниках телевизор.

Увидев, что Мила уставилась на него, стянул одно "ухо".

– Что ты сказала?

– "Оба-на" я сказала! Ты уверен, что я приглашала тебя ночевать?

Теперь стянул оба. Криво улыбнулся. Ух ты, ямочка на щеке!

– Не приглашала. Но когда я спросил, можно я еще посижу, сказала: "сиди, пока не надоешь!"

Надоесть он ей действительно не успел, потому что она о нем практически забыла. Мила виновато развела руками:

– Ну, это меня Муз навестил!

Встав, потянулась (задралась майка, обнажив белый живот, солярий она, видать, не посещает), подрыгала занемевшими ногами.

– Пошли что-нибудь перекусим?

– Кто-кто тебя навестил? Муж? – спросил Глеб – уже у ее спины.

– У нормальных поэтов-писателей имеется Муза, а у меня – Муз! – крикнула Мила из коридора. – Гуляка, пьяница и лентяй. Но когда он меня наконец посещает – это все равно что пришел настоящий мужик, забываешь обо всем на свете! Знаешь, в моем холодильнике в точности, как в моей жизни – то пусто, то...

Мила распахнула дверцу и закончила через паузу:

– ...густо.

– Я жрать... в смысле есть захотел, – объяснил он изобилие, от которого хозяйка дар речи потеряла. – Вот, сгонял в магазин.

– Это ты удачно сгонял! – восхитилась Людмила и принялась метать на стол баночки, сверточкы и брикеткы.

Похоже, никакой диеты она не соблюдает. Да и трудно соблюсти-то, при таком странном режиме. Вгрызлась, не отрезая, в кусок ветчины, сверкнула глазами.

– Ух, вкуснотища!

Зверь заворчал. Зверю женщина нравилась. Она вкусно ела. Азартно работала. Весело оттаскивала Глеба от края балкона.

И пахла – тоже очень вкусно.

У-у-у, нет! Вот этого не надо. Она нам с тобой не по зубам. Во всех смыслах.

– Я... пойду, наверное, – пробормотал Глеб, уставившись на стол, заваленный продуктами, чтобы не смотреть на женщину голодными глазами. Опять же во всех смыслах голодными... Как много, оказывается, подтекста в обычных фразах!

Хозяйка перестала жевать. Удивилась.

– Куда это?

– Ну... домой.

– Ночь на дворе, куда ты пойдешь?

– Ничего страшного.

– Да за такой холодильник можешь и у меня на диване по-

спать! Ох, боже ты мой, красна девица, не бойся, не собираюсь я покушаться на твою невинность!

Кому тут еще кого надо бояться – это большо-ой вопрос.

Тяжелый час – с трех до четырех. Час Быка... Нет, Быка вроде раньше. Он сказал бы, скорее Волка. Глеб весь извертелся, то переворачивая подушку прохладной стороной, то подбивая ее выше, то уминая плоче... Кончилось тем, что вообще зашвырнул куда-то и мрачно уселся на диване. За облаками – он чувствовал – плывет насмешливая Луна. Таится до поры до времени. Знает, сука, что никуда он от нее не денется.

В полнолуние ее власть была абсолютной. Но и сейчас временами – то ли в дремоте, то ли в кошмарах – ему казалось... или все же не казалось? что он становится... А если это происходит на самом деле? Какого черта он здесь остался?!

Он знал – какого. Он зацепился. Он почти год цеплялся за Институт Магических Феноменов, за туманное обещание – может быть, получится, может быть, он вернется нормальным к нормальной жизни с Кристей. А теперь вот зацепился за эту женщину, одной фразой стянувшей его с перил балкона. Как будто она может что-то изменить!

Он просто боится умирать – вот и все.

Глеб все-таки заснул. И пожалел об этом.

...Руки и ноги выламывало, выкручивало. Само тело

изгибалось под немыслимыми углами, словно стремилось вывернуться наизнанку, показать свое нутро, состоящее из клыков, когтей, черной шерсти... Зверь полувстал, полусполз с дивана, бесшумно скользнул к двери в спальню. Сомкнулись на круглой металлической ручке твердые когти, сжались, царапая филенку...

Дверь открылась беззвучно. Ветер из раскрытого окна полоскал легкую полупрозрачную занавеску. Женщина лежала на кровати на животе, уткнувшись лицом в подушку. Простыня сбилась ей в ноги. На женщине не было даже ночнушки – одни узкие трусики в веселенькую зеленую полоску. Зверь замер в проеме двери, жадно втягивая подвижными ноздрями запах комнаты и запах женщины. Так близко. Горячая. Вкусная. Живая.

Глеб задушено вскрикнул и зверь, подстегнутый этим криком, бросился вперед...

Мила некоторое время тупо созерцала раскинувшееся на диване тело. Судя по некоторым анатомическим деталям, тело было мужским. Из ее заспанного сознания постепенно всплывало: забитый холодильник... ямочка на щеке...

А. Глеб.

Мила кивнула себе и направилась было в ванную, но опять приостановилась. Как и на "постояльце" из одежды на ней наличествовали лишь трусы; наверное, следует все-таки одеться, не смущать мальчика. Он же, поди, не геронто-

фил...

Глеб сквозь ресницы наблюдал за задумчиво топчущейся на месте хозяйкой. Он, конечно, мог бы вообразить, что при виде его мужественного тела та впала в восхищенный ступор. Но Людмила наверняка просто забыла о его существовании. Как вчера: отвернулась к компу – и нет ее.

Зато из-за этой забывчивости он мог вдоволь ее сейчас рассматривать. Настолько вдоволь, что...

Что ему пришлось в конце концов перевернуться на живот. Вспугнутая его движением хозяйка упорхнула в спальню. И правильно. Целее будет.

Но... черт, на ней были трусики в зеленую веселую полоску!

Дежавю, подумала Мила. Они опять завтракают вместе. Правда, завтрак сегодня пообильнее – из глебовских продуктов. Да и она не пытается парня сигаретным дымом. Мила поднапряглась, соображая, когда же она завтракала с мужчиной последний раз. Да-а-а, даже если сделать скидку на ее плохую память, – уже очень давно. Ее мужчины, даже холостые, предпочитали ночевать у себя дома. Будем надеяться не из-за того, что она так оглушительно храпит... Во времена ее молодости это называлось "кинуть палку": прибежать, трахнуть, перекусить, выпить – и снова в бега. Интересно, как это теперь называется у них? Мила открыла рот – и закрыла. Напугаю парня, еще решит, что тетка его домогает-

ся...

– Как спала? – спросил Глеб, глядя в чашку с кофе.

– Как убитая!

Глеба аж передернуло. Входил он к ней в комнату или не входил? А если все-таки просто заглянул... как же этот длинный прыжок, укус в затылок, быющее под ним горячее гладкое тело? Глеб быстро проглотил кофе. Это был кошмар, просто кошмар... Простой кошмар – его жизнь.

Оба вздрогнули от длинного звонка в дверь.

– Ни свет ни заря, несет же кого-то... – проворчала Людмила и пошлепала босыми ногами по коридору. Глеб машинально взглянул на часы, висевшие над плитой: первый час "ни света ни зари". Быстро он перенял ее режим!

– Привет! – донесся до него бодрый мужской голос.

...И вам здравствуйте, кисло подумала Мила.

Олег. Вроде бы все уже обговорили пару месяцев назад, но вот он, как ни в чем не бывало: цветы, улыбка во весь рот, распахнутые руки. Мила отступила, чтобы избежать объяснений, Олег принял это как приглашение войти.

– Знаю, что явился для тебя рановато, но вижу, ты уже встала...

– Зачем пришел?

– Соскучился, – просто объяснил Олег, помахивая у нее перед лицом букетом. – Может, возьмешь уже цветы? Завянут.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.